

временно являлись безземельными, а позже наделялись землей⁴⁰. К. А. Осипова, признавая это, подчеркивает, однако, что нередко проскафимены не получали наделов⁴¹. Но даже получив землю, «приселившийся крестьянин, как тонко подметил М. М. Фрейденберг, не имел той прочной связи с землей, какая существовала у прочих категорий крестьян»⁴².

Разные мнения прозвучали и по вопросу о податном статусе проскафименов. Д. Ангелов считал в 1952 г., что проскафимены были освобождены от уплаты налогов фиску⁴³. Другие исследователи (и в том числе Д. Ангелов в последнее время) отстаивают мнение о проскафименах как плательщиках⁴⁴. М. М. Фрейденберг готов признать его лишь в том случае (и в этом он совершенно прав), если проскафимены уже наделены землей: «остаётся совершенно неясным, как не имеющие своей земли могут подлежать налоговому обложению»⁴⁵. Ряд специалистов (А. В. Соловьев, В. А. Мошин, Д. Ангелов) рассматривает проскафименов как обязанных податями феодалу⁴⁶.

Разногласия наблюдаются далее в вопросе об источниках происхождения проскафименов. По мнению Б. А. Панченко⁴⁷, проскафимены формировались из двух категорий населения: пришельцев и париков. А. В. Соловьев и В. А. Мошин в 1936 г., Г. А. Острогорский в 1948 и 1951 гг. и Г. Г. Литаврин в 1972 г. рассматривали элевферов как исходную социальную базу для формирования проскафименов⁴⁸. В. А. Мошин в 1938 г. считал таким источником ксенов, которых он, в свою очередь, делил на четыре разряда: 1) беженцы из опустошенных войной областей, 2) отпущенные на свободу военнопленные, 3) выкупленные из рабства, 4) бывшие «податные» (налогоплательщики)⁴⁹. М. Я. Сюзюмов видел в проскафименах выходцев из «неизвестных казнь» лиц⁵⁰ и из птохов⁵¹. Наконец, Г. Г. Литаврин в 1977 г. пришел к заключению, что ряды проскафименов пополнялись в основном за счет безземельных обедневших крестьян⁵².

Даже этимология слова «проскафимены» вызывает разночтения. М. М. Фрейденберг и К. А. Осипова трактуют буквальный филологический смысл термина «проскафимены» как «приселившиеся»⁵³. Г. Г. Литаврин переводит термин словами «посаженный», «сидящий»⁵⁴.

Однако несмотря на острые споры, исследователи статуса проскафименов добились единогласия по следующим вопросам: 1) проскафимены не старожилы, а недавно приселившиеся крестьяне⁵⁵; 2) вне зависимости от источников происхождения проскафимены на новом месте приселения начинают с такого исходного момента, как отсутствие земли⁵⁶; 3) не вызывает сомнений в историографии и вопрос о дальнейшей судьбе проскафименов — со временем они превращались в «крепостных»⁵⁷, париков⁵⁸. По всем другим аспектам темы согласия не достигнуто⁵⁹.

Выявляя причины существующих разногласий, можно тем самым показать пути их преодоления. Расхождения были обусловлены следующим.

1. При анализе статуса проскафименов оказался в забвении важнейший принцип классификации категорий феодально-зависимого крестьянства — особенности формы рентных отношений. Под этими особенностями имеются в виду, во-первых, различие в формах эксплуатации крестьянства, в формах феодальной ренты (отрабочной, продуктовой, денежной) и, во-вторых, различие в величине той или иной формы ренты. К. Маркс открыл закон функциональной зависимости юридического и имущественного статуса крестьянина от формы феодальной ренты⁶⁰. Эволюция ренты от отрабочной через продуктовую к денежной ослабляла юридическую придавленность крестьянина, но вместе с тем приводила к наиболее яркой по сравнению с предшествующим временем имущественной дифференциации. Сущность статуса проскафименов невозможно понять без выявления форм феодальной эксплуатации их и вытекающего из этого уровня юридической и имущественной дифференциации.

2. Произвольно, вразрез с источником, парикам приписывались черты, свойственные проскафименам, или наоборот. Так, например, при изучении